

УДК 81'255.2
ББК 83+83.3(0)

**Ю.И. Донченко,
Т.Л. Черноситова**

**ПРОБЛЕМА
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ
НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
МИРОВОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Рассматриваются различные способы перевода названий произведений классической литературы в соответствии с существующими нормами во французском, английском, немецком и русском языках, представлены различные уровни перевода. Анализ общего массива названий позволил выявить четыре группы эквивалентности: формальный, ситуационный, смысловой, контекстуальный эквиваленты, где наиболее часто используемый — формальный эквивалент.

Ключевые слова: *Эквивалентность текстов, уровни эквивалентности, формальная, смысловая, ситуационная модели перевода; контекстуальный эквивалент, синтаксический, семантический, прагматический уровни эквивалентности.*

Донченко Юлия Игоревна — аспирант кафедры теории и практики английского языка. Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 277-90-13, 8-904-341-37-26
E-mail: dontschenko@mail.ru

Черноситова Татьяна Леонидовна — канд. социол. наук, доцент кафедры. Педагогического института Южного федерального университета.
Тел.: (863)240-22-27
E-mail: chernossitova@gmail.com

© Ю.И. Донченко, Т.Л. Черноситова,
2008 г.

При переводе с одного языка на другой происходит множество переводческих преобразований, причина которых, чаще всего, кроется в присущем каждому языку видению мира и, соответственно, явлению языковой избирательности. Помимо этого, причиной переводческих преобразований могут служить и внутренние языковые факторы, такие как сочетаемость и коммуникативная структура высказываний. Этими и другими более частными моментами определяется *актуальность* выбранной нами темы.

Материалом исследования послужили 327 русских, французских, английских и немецких названий произведений мировой классической литературы, выделенные методом сплошной выборки.

Какими бы противоречивыми ни были требования, предъявляемые к переводу, нельзя не признать, что перевод является целенаправленной деятельностью, отвечающей определенным оценочным критериям. Одним из требований, издавна выдвигаемых теорией и практикой переводческой деятельности, является требование эквивалентности текстов — исходного и конечного, что, по мнению большинства теоретиков, считается одной из наиболее важных онтологических черт перевода.

По мнению В.Н. Комиссарова, понятие эквивалентности «раскрывает важнейшую особенность перевода и является одним из центральных понятий современного переводоведения» [Комиссаров, 2001, с. 134]. При этом, как утверждает

Н.К. Гарбовский, эквивалентность «является сложным и многогранным понятием, которое не может быть однозначно интерпретировано в теории перевода» [Гарбовский, 2004, с. 263].

Подобно тому как различные определения перевода соответствовали различным этапам развития переводоведения, различные понимания эквивалентности отражали эволюции взглядов на саму сущность перевода. Так, в теории закономерных соответствий, основная заслуга в разработке которой принадлежит Я.И. Рецкеру, понятие эквивалентности распространялось лишь на отношения между микроединицами текста, но не на межтекстовые отношения. При этом эквивалент понимался как постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста [Рецкер, 1974, с. 10].

Ю. Найда делает попытку преодолеть ограниченность чисто семантического подхода к эквивалентности. Наличие семантического подобия между двумя текстами не рассматривается более как достаточное условие эквивалентности. Гораздо важнее, по мнению лингвиста, совпадение реакций рецептора перевода и исходных рецепторов. При этом под реакцией подразумевается общее восприятие сообщения, включающее понимание его смыслового содержания, эмоциональных установок и др. Таким образом, в определение эквивалентности вводится прагматическое измерение — установка на рецептора [Nida, 1964, с. 43].

Коммуникативная эквивалентность (именуемая также текстовой и переводческой эквивалентностью) определяется Г. Егером как отношение между текстами, существующее в тех случаях, когда оба текста совпадают по своей коммуникативной ценности, или, иными словами, способны вызвать одинаковый коммуникативный эффект, который понимается как передача адресату определенного мыслительного содержания. Иными словами, коммуникативная эквивалентность — это отношение между текстом на исходном языке и текстом на языке перевода, которое возникает в тех случаях, когда при переходе от оригинала к конечному тексту сохраняется или остается инвариантной изначальная коммуникативная ценность текста [Jäger, 1975, p. 87].

В. Коллер считает, что понятие эквивалентности приобретает реальный смысл лишь в том случае, когда уточняется вид или тип эквивалентных отношений между текстами. Само по себе понятие эквивалентности, по его мнению, постулирует лишь наличие неких отношений между исходным и конечным текстами [Koller, 1997, S. 186].

В. Коллер различает следующие пять видов эквивалентности: 1) денотативную, предусматривающую сохранение предметного содержания текста (в переводческой литературе оно именуется «содержательной инвариантностью» или «инвариантностью плана содержания»; 2) коннотативную, предусматривающую передачу коннотаций текста путем целенаправленного выбора синонимичных языковых средств (в переводоведче-

ской литературе обычно относится к стилистической эквивалентности); 3) текстуально-нормативную, ориентированную на жанровые признаки текста, на речевые и языковые нормы; 4) прагматическую, предусматривающую определенную установку на получателя (также именуется «коммуникативной эквивалентностью»); 5) формальную, ориентированную на передачу художественно-эстетических, каламбурных, индивидуализирующих и других формальных признаков оригинала [Koller, 1997, S. 186].

В отличие от В. Коллера, В.Н. Комиссаров различает следующие типы эквивалентности, понимаемой как разные степени смысловой общности между переводом и оригиналом: 1) цели коммуникации, 2) идентификации ситуации, 3) «способа описания ситуаций», 4) значения синтаксических структур и 5) словесных знаков [Комиссаров, 1980, с. 59].

Если у В. Коллера все виды эквивалентности выстраиваются в одной плоскости, то у В.Н. Комиссарова они образуют иерархическую структуру, хотя характер этой иерархии представляется не вполне ясным. Однако очевидным преимуществом концепции В.Н. Комиссарова по сравнению с концепцией В. Коллера, на наш взгляд, является то, что здесь в понятие эквивалентности вкладывается достаточно определенное содержание, а в качестве обязательного условия эквивалентности постулируется «сохранение доминантной функции высказывания» [Комиссаров, 1980, с. 71].

Наиболее точным нам представляется определение эквивалентности, данное В.С. Виноградовым, который полагает, что под эквивалентностью в теории перевода «следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [Виноградов, 2004, с. 19].

При этом автор подчеркивает, что эквивалентность оригинала и перевода — это, прежде всего, общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Такая трактовка эквивалентности, как утверждает В.С. Виноградов, отражает полноту и многоуровневость этого понятия, связанного с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми и другими характеристиками. Причем все указанные параметры должны сохраняться в переводе, но степень их реализации будет различной в зависимости от текста, условий и способа перевода.

Попытка построить типологию эквивалентности, найти те ступени, которые ведут от минимально возможной к максимальной эквивалентности, а также установить объективную, обоснованную границу, отделяю-

щую перевод от «неперевода», и приводит к теории уровней эквивалентности.

Наиболее известные теории уровней эквивалентности строятся на семиотических основаниях, точнее, на выделенных семиотикой трех типах отношений знака — прагматическом, семантическом и синтаксическом.

Понятие многоступенчатого переводческого эквивалента приобретает достаточно четкие очертания в теории Г. Егера. Он приходит к понятию коммуникативной эквивалентности через понятие коммуникативной значимости, которая и составляет основу этого типа эквивалентности. Коммуникативная значимость текста оказывается его свойством вызывать определенный коммуникативный эффект. Она возникает из функций языковых знаков, которые связаны с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями отношений. Эти отношения в нормальной речевой коммуникации находятся в определенных иерархических отношениях: семантический уровень, который подразумевает семантические значения (сигнификативное и денотативное), подчиняет себе синтаксический, и оба они, в свою очередь, подчинены прагматическому уровню [Jäger, 1975, S. 94].

Полная эквивалентность, или собственно эквивалентность, между текстом оригинала и текстом перевода достигается тогда, когда значения исходного текста инвариантны значениям переводного текста на всех четырех уровнях.

Прагматический уровень эквивалентности, возведенный в ранг главного, высшего, составляет то необходимое коммуникативное ядро, без которого эквивалентность не может быть достигнута. Прагматическое значение составляет некий минимум инвариантности, по достижении которого уже оказывается возможным говорить о переводе.

Так, А.Д. Швейцер предлагает трехуровневую модель эквивалентности, в которой прагматический уровень также доминирует над всеми остальными. По мнению А.Д. Швейцера, «прагматический уровень, охватывающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата, управляет другими уровнями. В этом случае прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и наслаивается на все другие уровни и виды эквивалентности» [Швейцер, 1988, с. 86–87].

Указанная модель эквивалентности включает в себя три основных уровня, построенных на трех основных типах отношений языкового знака: прагматический, семантический, синтаксический. При этом семантический уровень так же разделяется на два подуровня в соответствии с различием в семантике денотативных и сигнификативных значений. Таким образом, А.Д. Швейцер представляет модель, предложенную Г. Егером, в структурированном виде, что придает ей, как подчеркивает Н.К. Гарбовский, большую оперативную ценность [Гарбовский, 2004, с. 99].

В.Н. Комиссаров строит более развернутую модель уровней эквивалентности. В последнем уточненном варианте предложенная им модель предполагает пять иерархически взаимосвязанных уровней: 1) уровень цели коммуникации; 2) уровень описания ситуации; 3) уровень способа описания ситуации; 4) уровень структуры высказывания; 5) уровень лексико-семантического соответствия [Комиссаров, 2004, с. 297].

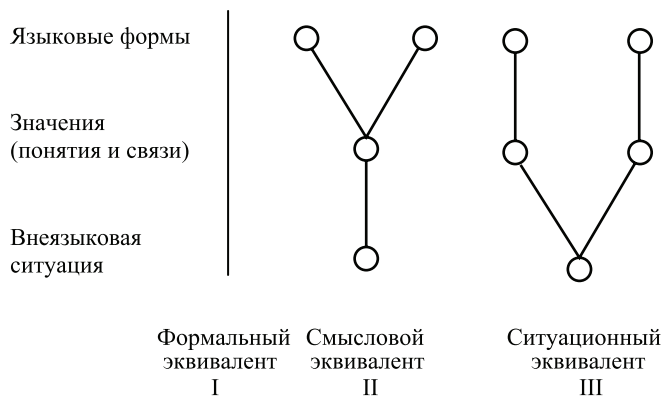
Совершенно очевидно, что в модели В.Н. Комиссарова по отношению к модели А.Д. Швейцера изменена иерархия двух уровней: уровень описания ситуации подчиняет себе уровень способа описания ситуации. Иначе говоря, перевод на уровне способа описания ситуации предстает как более точный по отношению к уровню описания ситуации.

В.Н. Комиссаров дополняет модель эквивалентности еще одним уровнем — уровнем лексико-семантического соответствия. Это дополнение представляется существенным, во всяком случае, по двум причинам. Во-первых, оно логически завершает иерархию уровней эквивалентности: начав с уровня цели коммуникации, где перевод оказывается максимально свободным, вольным (за верхним пределом этого уровня вряд ли можно говорить о переводе), В.Н. Комиссаров доходит до уровня пословной эквивалентности, т.е. до уровня буквального перевода, который в определенных случаях также возможен. Во-вторых, автор модели привлекает внимание к слову, которое в реальном переводе весьма часто выступает в качестве единицы эквивалентности.

Изначально для анализа эквивалентности при трансляции названий художественных произведений нами в качестве базовой была выбрана модель уровней эквивалентности, разработанная В.Г. Гаком на основе семантических отношений, устанавливаемых между знаками (языковые формы), понятиями (значения) и денотатами (внеязыковые ситуации) [Гак, Григорьев, 2003, с. 10].

Общность (инвариант) эквивалентов, которыми пользуется переводчик при переводе, может устанавливаться на различных уровнях и заключаться либо в подобии языковых форм, либо в общности значений описываемой ситуации. Так, В.Г. Гак предлагает три модели перевода: 1) формальную, 2) смысловую и 3) ситуационную (см. схему).

Многие исследователи полагают,

что наиболее эквивалентным может считаться контекстуальный перевод, который позволяет точно передать в названии заложенный автором смысл. В практике перевода нередки случаи, исключающие использование словарного эквивалента и тем самым вынуждающие переводчика прибегнуть к эквивалентам контекстуальным. Однако наиболее часто переводчик сталкивается с необходимостью выбора между различными вариантами в зависимости от контекстуального значения слова.

В качестве примера рассмотрим перевод названия произведения Ф.М. Достоевского «*Записки из мертвого дома*». В отличие от немецкого варианта перевода, где одни лексические единицы заменяются другими, равноценными по значению («*Aufzeichnungen aus einem Totenhaus*»), во французском варианте («*Souvenirs de la maison des morts*») мы можем наблюдать изменения на семантическом уровне. Так, вместо французского «notes» («записки»), автор перевода предпочел «souvenirs» («воспоминания»).

В английском языке представлено два перевода:

- 1) «*Notes from the Dead House*» — с использованием калькирования (как и в немецком) и
- 2) «*The House of the Dead*» — «Дом мертвого», осуществленный методом персонификации.

Для более точного понимания переводческого процесса и уровней эквивалентности, представленных В.Г. Гаком, проанализируем предложенные им модели перевода.

1. Формальный эквивалент предусматривает выражение общих значений в двух языках аналогичными языковыми формами.

Для иллюстрации этого постулата рассмотрим перевод названия произведения Ф. Ницше: «*Jenseits von Gut und Böse*» (нем.) — «*Par-delà Bien et Mal*» (фр.) — «*Beyond Good and Evil*» (англ.) — «*По ту сторону добра и зла*» (рус.). В данном примере мы видим полное подобие форм при подобии значения.

Другой пример — перевод названия произведения Теннесси Уильямса «*A Streetcar Named Desire*». Здесь уместным будет вспомнить историю оригинального названия, когда до момента публикации пьесы автор не мог выбрать подходящее название для трагической истории Бланш Дюбуа, больше всего в жизни желавшей искренней и большой любви. Это название Т. Уильямсу подсказал маршрут трамвая в Новом Орлеане, конечная остановка которого называлась «Желание». Можно предположить, что переводчик пьесы на французский («*Un Tramway Nommé Desir*»), зная эту историю, предпочел формальный эквивалент, предусматривающий выражение общих значений в двух языках аналогичными языковыми формами.

Этот же путь выбрал и первый переводчик пьесы на русский язык В. Вульф («*Трамвай, именуемый "Желание"*»), хотя последующие

переводы, например, В. Неделина, передают название как «Трамвай "Желание"», опуская подразумеваемое определение «именуемый». Хочется отметить, что оригинальное название одного из самых значительных произведений мировой драматургии прошлого века дает богатое поле для интерпретаций — ведь английское слово «desire» можно перевести, в зависимости от контекста, как «пожелание», «желание», «жажда», «вожделение» и даже «страсть», поскольку все драматургические конфликты у Т. Уильямса замешаны на неутолимом человеческом desire, причем в спектре значений, близких к вождению. Так или иначе, но французская и русская версия названия отличаются от немецкой («*Endstation Sehnsucht*»), которая позволяет предположить, что переводчик на немецкий язык решил раскрыть историю названия и дать более детальный перевод («*Endstation*» — «конечная остановка»).

2. Смысловый эквивалент, в котором одни и те же значения выражаются в двух языках различными способами, на наш взгляд, интересно представлен в переводе названия романа А. Мердок «*Under the net*», которое в русском и немецком вариантах звучит как «*Под сетью*» и «*Unter dem Netz*». Однако французский вариант «*Dans le filet*» («*В сетях*») представляется более точным, так как отражает суть произведения, т.е. перевод названия сделан с акцентом на коннотат.

3. Ситуационный эквивалент предусматривает различия не только языковых форм, но и выражаемых ими элементарных значений при описании одной и той же ситуации. В.Г. Гак подчеркивает, что особое внимание следует обратить на эквиваленты по ситуации. Нередко переводчику приходится отказываться от дословного перевода, даже если он не противоречит смыслу и нормам языка перевода, лишь потому, что в аналогичной ситуации говорящие на данном языке используют обычно иную форму [Гак, Григорьев, 2003, с. 12].

В этой связи особый интерес представляет перевод названия произведения М.А. Булгакова «*Дьяволиада*». Можно предположить, что свою повесть о многочисленных и разнообразных кознях дьявола М.А. Булгаков назвал «Дьяволиада» не случайно. Русская «чертовщина», возможно, показалась недостаточно масштабной и не в полной мере отражающей весь размах деяний «черного ангела», поэтому употребление греческого суффикса -iad- могло показаться М.А. Булгакову более уместным для описания «подвигов» и приключений Сатаны, сделав аллюзию с гомеровской «Илиадой» несомненной.

Французский и английский переводчики перевели название этого произведения методом калькирования («*Endiablade*» — «*Diaboliad*»). Однако в немецкой литературе произведение известно под тремя названиями:

- «*Teufeliade*» — где сохранено смысловое употребление суффикса -iad- (по аналогии с «Илиада»);

- «*Teufeleien*» — множественное число от существительного *Teufelei* — чертовщина, дьявольщина;
- «*Teufelsspuck*» — переводится также как «дьявольщина», например: *was für ein Teufelsspuck?!* — Что за дьявольщина?! Другое значение этого слова — «проделки, пакости».

Вероятно, в последних двух вариантах для переводчиков наиболее значимым было денотативное значение названия — «дьявольщина, бесовщина», а не аналогия с вышеупомянутым произведением Гомера.

Несомненный интерес представляет перевод названия произведения А.М. Горького «*Мои университеты*». Если французский и английский варианты этого названия являются калькой русского («*Mes universités*» — «*My Universities*»), в немецком переводе («*Meine Kindheit*») употреблено слово «*Kindheit*» — «детство». Здесь раскрывается понимание автором понятия «университеты» — «место и время, когда меня учили», т.е. в детстве.

В названии произведения А. Толстого «*Хождение по мукам*» мы можем наблюдать следующие варианты. Во французском переводе («*Le Chemin des Tourments*»), *tourments* — «мука, мучение, пытка», в немецком («*Der Leidensweg*»), *Leiden* — «страдание, недуг, болезнь». Однако наибольший интерес для исследователей представляет английский перевод («*The Road to Calvary*»), который можно интерпретировать как «Путь на Голгофу», т.е. в переведенный вариант вынесен исходный, библейский смысл.

В ходе анализа фактического материала мы столкнулись с необходимостью более детального подхода к проблеме эквивалентности. В связи с этим мы прибегли к концепции А.Д. Швейцера, который выделяет следующие уровни эквивалентности: синтаксический, семантический (с компонентным и референциальным подуровнями) и прагматический.

Низшим уровнем эквивалентности, по А.Д. Швейцеру, является *синтаксический*, перевод представляет собой замену одних лексических знаков другими при сохранении синтаксической структуры высказывания как, например, при переводе названий произведения Ф.М. Достоевского «*Бедные люди*»: «*Les Pauvres Gens*» (фр.) — «*Arme Leute*» (нем.) — «*Poor Folk*» \ «*Poor People*» (англ.). Из двух переводов названия в английской литературе нам представляется более точным «*Poor Folk*», где *folk* в отличие от *people* переводится как «народ» [Швейцер, 1985, с. 25].

Чаще всего для достижения эквивалентности синтаксическое оформление высказывания требуется изменить, при этом основой для сопоставления служит семантическая структура. Поэтому следующий уровень эквивалентности называется семантическим.

Семантический уровень в свою очередь распадается на два подуровня — компонентный и референциальный. Слово «референт» здесь используется как синоним слова «денотат». На компонентном подуровне в процессе перевода семантическая структура высказывания остается неизменной, в

ней сохраняются те же семантические компоненты. Меняется лишь грамматическая структура высказывания.

Рассмотрим перевод названия произведения Ф. Достоевского «*Записки из подполья*». В отличие от оригинального названия и английского перевода («*Notes From the Underground*»), который полностью совпадает по синтаксической структуре с русским вариантом, во французском переводе («*Mémoires Écrits Dans un Souterrain*») вместо notes (записки) дается mémoires (воспоминания) с уточнением écrits — «написанные». Необходимо обратить внимание и на то, что писатель употребляет слово «подполье» в непрямом значении, что соблюдено во французском и английском вариантах (souterrain — подземный переход, проход, подземелье (фр.); underground — подземелье, подполье (англ.)). В немецком же переводе («*Aufzeichnungen aus dem Kellerloch*»), автор обращается к прямому значению — Kellerloch («подвал»).

На референциальном подуровне в семантической структуре происходят известные сдвиги. Это связано с тем, что разные языки один и тот же сегмент внеязыковой действительности могут описывать по-разному. Меняется и характер переводческих преобразований. Если на подуровне компонентной эквивалентности перевод осуществляется в основном путем грамматических трансформаций, то на референциальном подуровне речь идет о более сложных лексико-грамматических преобразованиях, затрагивающих не только грамматическую структуру высказывания, но и его лексическое наполнение.

Интересным для анализа является также пример перевода названия пьесы Т. Уильямса «*Cat on a Hot Tin Roof*». В отличие от оригинала, во французском варианте («*La Chatte sur un Toit Brûlant*») нейтральное «cat» конкретизировано (une chatte), а определение «tin» опущено. В немецком языке переводчик посчитал необходимым сохранить эту информацию — «*Die Katze auf dem Heißen Blechdach*» (Blech: «жесть»). Мы также можем наблюдать усиление качества предмета, когда переводчики на французский и русский языки («Кошка на раскаленной крыше») нейтральное английское hot (горячий) заменили на brûlant (обжигающий, жгучий) и раскаленный.

Другой пример — произведение «*Бесы*» Ф.М. Достоевского. На немецкий язык название романа было переведено как «*Die Dämonen*», потеряв, таким образом, свою символичность («бесы» у автора — революционеры, смутьяны, одержимые идеей преобразования России). Автор французского варианта попытался передать коннотативный смысл путем уточнения — «*Les Démons (Les Possédés)*», где possédé — бесноватый, одержимый. Английский вариант названия этого произведения также звучит как «*The Possessed*» — бесноватые, одержимые, т.е. подчеркивается одержимость людей.

В отличие от «Бесов» трансляция названия поэмы «*Демон*» М.Ю. Лермонтова, которое было переведено тем же словом, носит денотативный ха-

ракти, в полной мере отражая физическую сущность героя: «*Le Démon*» (фр.) — «*Demon*» (англ.) — «*Der Dämon*» (нем.).

Интересным представляется пример перевода произведения Э. Хемингуэя «*For Whom the Bell Tolls*». В то время как авторы русского («*По ком звонит колокол*») и французского («*Pour qui Sonne le Glas*») вариантов перевода предпочли сохранить метафоричность названия, переданного библейской цитатой, в немецком варианте мы можем наблюдать иную интерпретацию: «*Wem die Stunde Schlägt*». Переводчик здесь раскрывает значение библеизма и передает его дословно («*Для кого пробивает час*»).

Анализ существующих переводов названия произведения А.С. Пушкина «*Медный всадник*» — «*Le Cavalier de Bronze*» (фр.) — «*The Bronze Horseman*» (англ.) — «*Der Eherne Reiter*» (нем.) позволяет отметить, что, в отличие от оригинального названия и переводов его на английский и французский языки, в которых сохранилось указание на качество предмета, материал, из которого он был сделан, в немецком языке, несмотря на наличие слова «*Kurfer*» — «медь», переводчик предпочел использовать прилагательное «высокого стиля» *eherne* — «железный» в значении «несгибаемый» (например, *eherne Wille* — «железная воля»), стремясь, тем самым, передать величие Петра I, а не монумента. В этом случае на первый план выступает концепт немецкого переводчика, который знает, о каком объекте реальной действительности идет речь. Его концепт симметричен единичному понятию, сформировавшемуся в русской культуре и обозначенному этим именем. В отличие от других немецких вариантов перевода названия пушкинской поэмы наполняет имя значением и однозначно соотносит его со статуей Петру Первому в Санкт-Петербурге.

Высшее место в иерархии уровней эквивалентности занимает *прагматический уровень*. На двух предыдущих уровнях соответствия устанавливались в пределах одной функции — денотативной. Теперь основой для сопоставления в переводе выступают два основных звена коммуникативного процесса — коммуникативная установка и коммуникативный эффект, или отношение к тексту со стороны отправителя и получателя. Отношение между знаком и пользователем называется прагматикой. Отсюда и название этого уровня — прагматическая эквивалентность. На прагматическом уровне встречаются преобразования иного рода — опущение, добавление, полное перефразирование, что совпадает с контекстуальным уровнем по В.Г. Гаку.

Так, например, название произведения М.А. Булгакова «*Дни Турбиных*» имеет следующие варианты перевода: «*Jours des Tourbines*» (фр.) — «*Days of the Turbines*» (англ.) — «*Die Tage des Turbins*» / «*Die Tage der Geschwister Turbin*» (нем.).

В интерпретации «*Die Tage der Geschwister Turbin*» немецкий переводчик ввел дополнительную информацию, уточнив оригинальное название словом *Geschwister*, обозначающим «братья и сестры», чем подчеркива-

ет «степень родства» различных по духу и убеждениям людей, которых объединяет только фамилия.

Изучение общего массива выбранных названий (327) на русском, французском, английском и немецком языках дало возможность распределить их по четырем основным группам эквивалентности:

1. Формальный эквивалент – 242 (80 %)
2. Ситуационный эквивалент – 45 (11 %)
3. Смысловый эквивалент – 15 (6 %)
4. Контекстуальный эквивалент – 5 (2 %)

Эта статистика позволяет сделать вывод о том, что при переводе названий художественных произведений наиболее часто используется формальная эквивалентность, которую Иоганн Вольфганг Гете считал высшим уровнем перевода. Согласно В.Г. Гаку, переводчик стихийно стремится прибегать, прежде всего, к формальным эквивалентам, использовать словарные эквиваленты, воспроизводить в переводе морфологические формы и синтаксические конструкции, сохранять порядок слов подлинника и т.д. там, где это не противоречит структуре и норме языка перевода [Гак, Григорьев, 2003, с. 12]. Различные факторы, однако, заставляют отходить от формальных соответствий и прибегать к установлению эквивалентов «по смыслу», «по ситуации» и «по контексту».

На основании проведенного анализа можно отметить, что при использовании смысловых эквивалентов, переводчики выражают одни и те же значения различными способами, при этом сумма элементарных значений, составляющих общий смысл, одинакова. Если при переводе словарного эквивалента недостаточно, то переводчику необходимо самому устанавливать возможные контекстуальные эквиваленты, так как в этом случае контекст необходим для более глубокого понимания значения слова, использованного автором, что и определяет выбор эквивалента при переводе. При этом следует подчеркнуть, что, с учётом прагматических отношений, происходит прагматическая адаптация исходного текста, т.е. внесение определённых поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинала и переводного текста.

Все это позволяет прийти к выводу о том, что успешный и корректный перевод названий, которые являются квинтэссенцией авторского замысла, зависит не только от знания макроконтекста (содержания произведения). Переводчик, выступая на первом этапе переводческого процесса в роли рецептора оригинала, должен обладать теми же языковыми и культурными компетенциями, что и носители исходного языка, принимая переводческие решения на основании собственной концепции эквивалентности, которую и применяет в своей творческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.С.* Перевод. Общие и лексические вопросы. М., 2004.
2. *Гак В.Г., Григорьев Б.Б.* Теория и практика перевода. Французский язык. М., 2003.
3. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2004.
4. *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе // Международные отношения. М., 1980.
5. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М., 2001.
6. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода. М., 2004.
7. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
8. *Швейцер А.Д.* Социолингвистические основы теории перевода // ВЯ. 1985. № 5. С. 39–48.
9. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
10. *Jäger G.* Translation and Translationslinguistik. Halle, 1975.
11. *Koller W.* Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Wiesbaden, 1997.
12. *Nida E.* Towards a science of translating. Leiden, 1964.